

Информация для цитирования:

Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32. С. 175–184. DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184.

Golubtsov V. G. Printsip dobrosovestnosti kak element pravovogo mekhanizma stimulirovaniya dolzhnika k nadlezhashchemu ispolneniyu obyazatel'stv i garantirovaniya interesov kreditorov: analiz sudebno-arbitrazhnoy praktiki [The Principle of Good Faith as an Element of the Legal Mechanism for Stimulating the Debtor to Proper Execution of Obligations and Guaranteeing Creditors' Interests: Analysis of Judicial and Arbitration Practice]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2016. Issue 32. Pp. 175–184. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184.

УДК 347.42

DOI: 10.17072/1995-4190-2016-32-175-184

**ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО
МЕХАНИЗМА СТИМУЛИРОВАНИЯ ДОЛЖНИКА К НАДЛЕЖАЩЕМУ
ИСПОЛНЕНИЮ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ И ГАРАНТИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ
КРЕДИТОРОВ: АНАЛИЗ СУДЕБНО-АРБИТРАЖНОЙ ПРАКТИКИ¹**

В. Г. Голубцов

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Статьи в БД «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

e-mail: predprim.pravo@gmail.com

Введение: с 1 июня 2015 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», предусматривающий целый ряд новаций в правовом регулировании обязательственных правоотношений. **Цель** заключается в решении имеющей значение для развития российского гражданского права задачи – раскрытии принципа добросовестности как элемента правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов на основе анализа новейшей судебно-арбитражной практики. **Результаты:** сформулированы основные выводы, касающиеся закрепления в действующем законодательстве принципа добросовестности, и обозначены основные направления дальнейшего развития начал добросовестности в законодательстве и правоприменительной деятельности. **Методы:** общенаучный диалектический, универсальные научные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, абстрагирование, формально-логический, системно-структурный), специально-юридические методы (сравнительно-правовой, метод системного толкования, метод правового моделирования). **Выводы:** критерии добросовестности участников обязательственного права и их корректное практическое применение, безус-

© Голубцов В. Г., 2016

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ – грант № 16-03-00741 «Система правовых механизмов стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредитора в российском гражданском праве».

ловно, будут способствовать установлению оптимального баланса интересов кредитора и должника, что является необходимой гарантией поддержания делового сотрудничества, предотвращения юридических конфликтов и достижения наиболее полного удовлетворения интересов участников имущественного оборота. Принцип добросовестности нуждается и в дальнейшем поступательном внедрении в специальные нормы ГК РФ, поскольку является одной из существенных гарантий реализации субъективных гражданских прав.

Ключевые слова: принцип добросовестности; принцип содействия сторон; механизм стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств; надлежащее исполнение обязательств; критерии добросовестности

THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AS AN ELEMENT OF THE LEGAL MECHANISM FOR STIMULATING THE DEBTOR TO PROPER EXECUTION OF OBLIGATIONS AND GUARANTEEING CREDITORS' INTERESTS: ANALYSIS OF JUDICIAL AND ARBITRATION PRACTICE

V. G. Golubtsov

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

ORCID: 0000-0003-3505-2348

ResearcherID: H-4690-2015

Articles in DB «Scopus» / «Web of Science»:

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.13.pl.14010

DOI: 10.5829/idosi.mejsr.2013.15.8.11538

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13176

DOI: 10.5829/idosi.wasj.2013.24.01.13177

e-mail: predprim.pravo@gmail.com

Introduction: from June 1, 2015 came into force the Federal Law of the Russian Federation dated 8 March 2015, No. 42-FZ (hereinafter – Law № 42-FZ) «On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation», providing a number of innovations in legal regulation of contractual relations. **Purpose:** to address the problem, important for the development of Russian civil law, connected with revealing the principle of good faith as an element of legal mechanism for stimulating the debtor to proper execution of obligations and guaranteeing interests of creditors on the basis of the latest court and arbitration practice analysis. **Methods:** the following methods were used in the course of research: a general scientific dialectic method, universal scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, comparison, abstraction, formal logical, systemic-structural), methods specific to legal science (a comparative legal method, systemic interpretation, a method of legal modeling). **Results:** a number of fundamental questions concerning optional obligations have not received proper authorization in the civil law doctrine. Main vectors for further development of good faith principles in legislation and law enforcement activity have been specified. **Conclusions:** the criteria of good faith of contractual law participants and their correct practical application will certainly promote to the establishment of optimal balance of the creditors' and debtor's interests, which is an essential guarantee for the maintenance of business cooperation, as well as for prevention of legal conflicts. It will also help to satisfy interests of property turnover participants. The principle of good faith needs further implementation into the special norms of the Civil Code since it is one of the essential guarantees for the realization of subjective civil rights.

Keywords: principle of good faith; principle of promotion of the parties; mechanism of stimulating the debtor to proper execution of obligations; proper execution of obligations; good faith criteria

Введение

Трендом современной цивилистики стало пристальное внимание ученых-юристов к конкретным юридико-техническим приемам утверждения принципа добросовестности в законодательстве и его регулятивном потенциале.

Автономные исследования принципа добросовестности, его функциональной нагрузки, связанной с конструктивными, правоприменительными и правосполнительными функциями указанного принципа, стали проводиться только в последнее время.

Об отраслевом принципе добросовестности

С 1 июня 2015 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ (далее – Закон № 42-ФЗ) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»¹, предусматривающий целый ряд новаций в правовом регулировании обязательственных правоотношений. Остановимся только на одной новелле, введенной этим законом, – критериях отраслевого принципа добросовестности применительно к обязательственному праву.

Важно отметить, что Федеральный закон РФ от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 302-ФЗ)², вступивший в силу 1 марта 2013 г., внес долгожданные изменения в гражданское законодательство: установил общий принцип добросовестности, ввел презумпцию добросовестности действий участников гражданских правоотношений и установил правило о применении способов защиты гражданских прав в случаях заведомо недобросовестного осуществления этих прав.

Так, принцип добросовестности получил выражение в п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)³ следующим образом: «При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно».

Собственно презумпция добросовестности нормативно закреплена в п. 5 ст. 10 ГК РФ:

«Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются».

Данная норма закрепляет презумпцию добросовестности участников гражданских правоотношений, в силу которой участники гражданско-правовых отношений освобождаются от обязанности доказывания своей добросовестности и разумности своих действий. Эта обязанность возлагается на органы и лица, оспаривающие разумность действий и добросовестность участников гражданских правоотношений.

В п. 2 ст. 10 ГК РФ введено правило о применении способов защиты гражданских прав в случаях их заведомо недобросовестного осуществления: при наличии «заведомо недобросовестного осуществления гражданских прав» суд «с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом».

Известно, что указанные изменения стали результатом последовательного воплощения в жизнь положений Концепции развития гражданского законодательства⁴, в которой неоднократно указывалось на необходимость усиления роли принципа добросовестности с учетом положительного опыта современных зарубежных стран.

Нельзя не отметить, что принцип добросовестности широко применялся в российском гражданском праве и судебно-арбитражной практике и до 1 марта 2013 г.

К примеру, рассматриваемый принцип нормативно закреплён в федеральных законах РФ «О рекламе»⁵, «О рынке ценных бумаг»⁶, «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»⁷, «Об акционерных обществах»⁸ и др.

⁴ *О совершенствовании* Гражданского кодекса Российской Федерации: указ Президента РФ от 18 июня 2008 г. № 1108 (ред. от 29 июня 2014 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 29, ч. 1, ст. 3482.

⁵ *О рекламе*: Федер. закон Рос. Федерации от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 12, ст. 1232.

⁶ *О рынке ценных бумаг*: Федер. закон Рос. Федерации от 22 апр. 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 13 июля 2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17, ст. 1918.

⁷ *О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках*: Закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 (ред. от 26 июля 2006 г.) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16, ст. 499.

⁸ *Об акционерных обществах*: Федер. закон Рос. Федерации от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 29 июня

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 09.03.2015).

² Там же (дата обращения: 31.12.2012).

³ *Гражданский кодекс Российской Федерации*. Часть первая: Федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 янв. 2016 г.) / Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.01.2016).

Кроме того, принцип добросовестности получил фиксацию в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ). Так, в постановлении Президиума ВАС РФ от 11 сентября 2012 г. № 3378/12¹ установлено, что предоставление судебной защиты субъекту, длительное время совершавшему противоправные действия, которые влекли нарушение прав неопределенного круга лиц, и осознававшему противоправный характер своих действий, не соответствует принципам добросовестного ведения деятельности участниками гражданского оборота и баланса публичных и частных интересов.

Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, теперь для применения данного принципа появились «солидные юридические основания».

Принцип добросовестности сторон обязательства в судебно-арбитражной практике

Принцип добросовестности и ранее достаточно часто применялся судами при разрешении споров. Так, в одном из дел, рассмотренных арбитражным судом Поволжского округа, обнаруживаем указание на то, что в рамках исполнения договора об организации перевозок грузоотправитель, руководствуясь условиями подписанных в двустороннем порядке договоров-заявок, в которых стороны указали паспортные данные водителей, а также марки и регистрационные государственные номера автомобилей для перевозки груза, вручая груз водителю, действовал добросовестно и разумно, поскольку в указанных заявках стороны предусмотрели паспортные данные водителей, государственные регистрационные номера транспортных средств, а грузоотправитель проверил паспортные данные прибывшего водителя, удостоверился в правильности номера транспортного средства.

И в ситуации, когда направленный по заявкам товар был утрачен и грузополучателю не доставлен, суды взыскали стоимость утраченного груза с перевозчика, не приняв во внимание довод о том, что водители, осуществившие спорную перевозку, не являются его представителями. Он был отклонен судебными инстанциями со ссылкой на п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации, по-

скольку именно ответчик отвечал за утрату груза и обязан был возместить ущерб истцу на основании ст. 15 Гражданского кодекса Российской Федерации².

Как видим из анализа данного правоприменительного акта, Арбитражный суд Поволжского округа не согласился с позицией ответчика, ссылаясь на п. 3 ст. 307 ГК РФ.

В цивилистической доктрине нередко встречаются сетования на то, что в гражданском законодательстве отсутствует легальная дефиниция термина «добросовестность». В этой связи понятие добросовестности видится во многом через призму отдельных гражданско-правовых институтов (например, приобретательной давности, злоупотребления правом, виндикации и т. д.).

К примеру, как отмечается в юридической литературе, «перевозчика, продающего билеты с условием об овербукинге, вряд ли можно рассматривать как добросовестного. Известно, что добросовестность в гражданском законодательстве понимается в объективном и субъективном смысле. В первом случае требование добросовестности предполагает должное поведение в ситуации правовой неопределенности. Во втором она понимается как уважительное незнание о том или ином обстоятельстве, наступление которого влекут те или иные юридически значимые последствия. Ни в первом, ни во втором понимании добросовестности в поведении перевозчика нет. Действия перевозчика по заключению договора, заведомо предусматривающего возможность его неисполнения, а также по отказу от исполнения обязательства договора с условием овербукинга могут быть квалифицированы как злоупотребление правом» [7, с. 13].

Согласно п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ)³.

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 1 марта 2016 г. № Ф06-5050/2015 по делу № А12-29394/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2015. № 8.

2015 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 1.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 11 сент. 2012 г. № 3378/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Крупномасштабная реформа гражданского законодательства, способствовавшая внесению существенных изменений, в частности, в часть первую ГК РФ, оказала значительное влияние на обязательственное право в целом. Так, Законом №42-ФЗ ст. 307 ГК РФ была дополнена п. 3 следующего содержания: «При установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию».

По состоянию на сегодня, т. е. спустя год, как указанная норма вступила в силу, можно говорить о первых итогах реформирования обязательственного права на основе, прежде всего, анализа правоприменительной практики.

К примеру, показательным можно назвать дело, рассмотренное арбитражным судом города Москвы о взыскании задолженности и неустойки по договору возмездного оказания услуг, по условиям которого истец обязался оказать ответчику услуги по составлению бизнес-плана реализации инвестиционного проекта, конечным итогом оказания услуг являлся бизнес-план, составленный на русском языке.

При рассмотрении указанного дела суды установили, что стороны, заключая договор, определили порядок оказания услуг определенным способом, включающим: первоначальное предоставление ответчику предварительного бизнес-плана без подписи уполномоченного лица истца и печати истца в целях ознакомления ответчика с данным бизнес-планом и его согласования и последующее предоставление истцом ответчику итогового бизнес-плана, подписанного уполномоченным лицом истца и скрепленного печатью истца, идентичного предварительному бизнес-плану с учетом представленных возражений ответчика.

Истец направил на электронный адрес ответчика предварительный бизнес-план, что было подтверждено электронным письмом и, не получив в пятидневный срок, предусмотренный договором письменных возражений, направил на почтовый адрес ответчика итоговый бизнес-план в бумажном виде, а также акт сдачи-приемки оказанных услуг и счет, который ответчик не подписал и не оплатил второй части стоимости услуг истца.

При этом в техническом задании установлено, что бизнес-план должен быть составлен по состоянию на определенную дату. Далее, ответчик, спустя несколько месяцев после исполнения истцом обязательств по договору, направил

последнему письмо о том, что предоставленный бизнес-план является не актуальным на дату его рассмотрения с требованием его актуализации.

Истец указал на то, что услуги по актуализации ранее подготовленного бизнес-плана не входят в стоимость услуг, а актуализация бизнес-плана на новую отчетную дату предполагает проведение новых расчетов, изменение финансовой модели, анализ вновь представленных документов по проекту, что ведет к увеличению объема работ и сроков оказания услуг. Вместе с тем истец провел актуализацию бизнес-плана, что было подтверждено электронной перепиской, и отправил его ответчику электронной почтой. При этом ответчик не представил возражений, акт сдачи-приемки оказанных услуг ответчик не подписал и оплату не производил.

Согласно п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса РФ, при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Истец проявил в полной мере заботливость и осмотрительность, при исполнении обязательств действовал добросовестно и предпринял все необходимые и разумные меры при исполнении своих обязательств перед ответчиком по договору¹.

По нашему убеждению, в данном случае суд, удовлетворяя требования истца в полном объеме, корректно применил нормы материального права. Анализ предложенного казуса позволяет уверенно говорить о невероятной значимости предоставления актуальной информации в актуальный срок сторонами обязательства. Так, в данном случае со стороны истца были совершены все возможные действия, направленные на своевременное предоставление необходимой информации ответчику: направление предварительного бизнес-плана в электронном виде; направление итогового бизнес-плана в бумажном виде; актуализация бизнес-плана по требованию ответчика. В то же время нельзя не обратить внимания и на недобросовестное, по нашему мнению, поведение ответчика, который не предоставил истцу письменных мотивированных возражений по проекту предварительного бизнес-плана: после

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 1 окт. 2015 г. № 09АП-36743/2015 по делу № А40-24447/2015 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

его актуализации никаких возражений, комментариев от ответчика не поступало, акт сдачи-приемки оказанных услуг ответчик не подписал и оплату не производил.

Несмотря на популярность исследования принципа добросовестности, в юридической доктрине отсутствует системное представление о собственно критериях добросовестности. Особый интерес в этой связи представляет рассмотрение критериев добросовестности участников обязательственного права. Необходимость их исследования обусловлена не только потребностями теоретических основ обязательственного права, но и практической значимостью более эффективного использования исследуемого принципа в целях совершенствования гражданского оборота.

Как верно отмечено в письме Роспотребнадзора, п. 3 ст. 307 ГК РФ «дополняет и развивает принцип изначально подразумеваемой добросовестности любых гражданских правоотношений, в целом сформулированный в статье 10 ГК РФ»¹.

Критерии добросовестного поведения сторон обязательства

Анализ п. 3 ст. 307 ГК РФ позволяет сделать следующие важные выводы. Критериями добросовестности поведения участников обязательственного права выступают:

– учет прав и законных интересов друг друга;
– оказание необходимого содействия друг другу;

– предоставление необходимой информации.

Научно-консультативный совет при Федеральном арбитражном суде Уральского округа разъяснил применение принципа добросовестности на конкретном примере.

В силу п. 2 ст. 327 ГК РФ, добровольное внесение должником денежной суммы или ценных бумаг на депозит нотариуса или суда считается исполнением обязательства.

Согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ, при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

С учетом изложенного при внесении денег на депозит должник должен представить креди-

тору исчерпывающую информацию, необходимую для получения исполнения, если только это не связано для него с несоразмерными расходами или поисками адресата.

В случае изъятия должником, на основании п. 3 ст. 327 ГК РФ, денежной суммы или ценных бумаг, внесенных на депозит нотариуса или суда, исполнение обязательства считается несостоявшимся².

Как представляется, анализ названных рекомендаций свидетельствует о том, что принцип добросовестности, а вернее, один из его компонентов – предоставление сторонами обязательства необходимой информации друг другу – имеет не только сугубо теоретическое, но и прикладное назначение, так как получает содержательное наполнение в том числе через иные нормы обязательственного права.

Так, А. Г. Архипова предлагает следующие критерии «добросовестности» применительно к отношениям, возникающим из договора страхования:

«а) обязанность страховщика соблюдать добросовестность при заключении договора страхования, в частности обязанность сообщить страхователю о явном и известном страховщику несоответствии предлагаемого страхового покрытия потребностям страховщика, предупредить страхователя о предусмотренных договором и неочевидных для страхователя случаях отказа в выплате, об изъятиях из страхового покрытия;

б) обязанность страхователя не сообщать страховщику ложной информации при извещении о страховом случае, а также в ходе расследования страхового случая;

в) обязанность страховщика провести надлежащее (всестороннее и сбалансированное) расследование заявленного страхового случая;

г) обязанность обеих сторон действовать добросовестно при сборе документов, на основе которых принимается решение о выплате (об отказе в выплате), в частности избегать изготовления актов экспертизы, оценки и т. п. с результатом, заведомо известным стороне, заказывающей соответствующие документы;

д) обязанность сторон после наступления страхового случая предоставлять друг другу запрашиваемую информацию: со стороны страхователя – о причинах и последствиях страхово-

¹ *О вступающих* в силу 1 июня 2015 года изменениях в Гражданский кодекс Российской Федерации: письмо Роспотребнадзора от 5 мая 2015 г. URL: <http://rosпотребнадзор.ru> (дата обращения: 05.04.2016).

² *Вопросы* правоприменения по гражданским делам, подведомственным арбитражным судам: рекомендации Науч.-консультат. совета при Федер. арбитражном суде Уральского округа (по итогам заседания, состоявшегося 10 июня 2015 г. в г. Ижевске) // Экон. правосудие в Урал. округе. 2015. № 3.

го случая, со стороны страховщика – о ходе следования, в том числе обязанность страховщика заранее, до принятия окончательного решения, сообщить страхователю о выявленных обстоятельствах, позволяющих страховщику отказать в выплате возмещения или сократить его сумму;

е) обязанность страхователя (выгодоприобретателя) воздерживаться от предъявления заведомо необоснованных (заведомо завышенных по объему) требований к страховщику, а также обязанность страховщика воздерживаться от принятия заведомо необоснованных и немотивированных решений об отказе в выплате страхового возмещения» [1, с. 34].

Оказание необходимого содействия как один из критериев добросовестности сторон обязательства

Обратим особое внимание на такой критерий, как оказание необходимого содействия друг другу. Следует поддержать Т. В. Богачеву, которая заметила, что «особенно ярко принцип содействия сторон в договорных обязательствах характеризуется совершением сторонами в интересах друг друга дополнительных действий, не предусмотренных договором, а предписываемых сложившейся конкретной ситуацией» [2, с. 10]. Действительно, необходимое содействие – это не только и не столько строгое следование условиям обязательства, сколько проявление необходимой инициативы сторонами обязательства, которые должны руководствоваться, в первую очередь, принципами справедливости и разумности.

Интересно отметить, что некоторые ученые, толкуя положения п. 3 ст. 307 ГК РФ, говорят об установлении законодателем принципа делового сотрудничества [3, с. 44], принципа солидарности, принципа содействия сторон при исполнении обязательства.

Не вызывает сомнений, что некоторые начала сотрудничества как обязательные требования, адресованные участникам гражданского оборота, находят свое воплощение в отдельных нормах ГК РФ. Например, в соответствии с п. 1 ст. 959 ГК РФ, страхователь (выгодоприобретатель) обязан незамедлительно сообщать страховщику о ставших ему известными значительных изменениях в обстоятельствах после заключения договора страхования, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение страхового риска. Кроме того, в информационном письме Президиума ВАС РФ отмечено, что неисполнение стороной по договору строительного подряда обязанности по сотрудничеству может учитываться при применении

меры ответственности за неисполнение договорного обязательства¹.

По меткому замечанию В. А. Хохлова, «обязательственная модель регулирования основана не столько на противопоставлении интересов кредитора и должника, сколько на единстве, общности результата, который предстоит достичь (в этом смысле выражение “противная сторона” применительно к обязательствам следует признать архаизмом)» [9, с. 188].

Безусловно прав В. В. Кулаков, определивший принципы права «квинтэссенцией многовекового опыта правового регулирования определенной сферы общественных отношений» [6, с. 50]. При этом важно отметить, что ценность принципа гражданского права заключается в его адекватности современным экономическим отношениям.

Предоставление необходимой информации как один из критериев добросовестности сторон обязательства

Полагаем, что появление в гражданском законодательстве такого критерия добросовестности поведения сторон обязательства, как предоставление необходимой информации, имеет огромную правоприменительную ценность с учетом значения информации в современном гражданском обороте. Своевременное обладание информацией, корректно отражающей действительность, – одно из необходимых условий эффективной реализации права.

Так, А. А. Чумаков предлагает включать в содержание определения недобросовестности участия в переговорах такой компонент, как «предоставление стороне неполной или недостоверной информации (в том числе умолчание об обстоятельствах, которые в силу характера договора должны быть доведены до сведения другой стороны)» [10, с. 77].

Вслед за ним А. Г. Карапетов обращает внимание на то, что «...в форме заверений одна из сторон сообщает ту или иную информацию, имеющую важное значение для другой стороны и стимулирующую последнюю заключить договор на определенных условиях... Соответствующая информация может предоставляться в форме заверений, данных до заключения договора (например, в инвестиционном меморандуме или меморандуме о взаимопонимании), включаться в текст договора непосредственно или предоставляться в ходе исполнения догово-

¹ Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда: информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 24 янв. 2000 г. № 51 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 3.

ра. Принципиального значения это не имеет. Сообщать ложную информацию, обманывать партнера нельзя» [4, с. 56].

Учет прав и интересов друг друга – это наиболее общее правило поведения в обществе. Поэтому, когда недостаточно конкретных норм, необходимо обращаться к принципу социальной справедливости.

Обратимся к анализу судебной-арбитражной практики, в которой принцип добросовестности, предусмотренный п. 3 ст. 307 ГК РФ, уже получил последовательное применение, в частности в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда.

Сторонами был заключен договор страхования непредвиденных расходов граждан на время путешествий, в соответствии с которым страхователь предоставляет страховщику реестр застрахованных лиц за отчетный месяц. При этом форма реестра предполагает наличие подписей представителей страховщика и страхователя, печати юридических лиц. В материалы дела были представлены реестры застрахованных, в которых отсутствуют подписи представителей страхователя (ответчика), печати страхователя.

Договором было предусмотрено, что общая страховая премия уплачивается страхователем (ответчиком) на основании счета, выставленного в соответствии с согласованным реестром застрахованных лиц, которые отсутствуют, при этом ответчик причастность к реестрам и счетам отрицает. В материалах рассматриваемого дела отсутствуют доказательства того, что ответчик уклонялся от подписания реестров, получения счетов, что ответчик действовал недобросовестно в рамках договора страхования.

Согласно п. 3 ст. 307 ГК РФ, при исполнении обязательства стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию.

Подписывая договор страхования на определенных условиях, истец и ответчик должны соблюдать эти условия, в соответствии с положениями п. 1 ст. 420, п. 1 ст. 421, п. 1 ст. 929, п. 3 ст. 307 ГК РФ.

С учетом изложенного апелляционный суд установил, что из имеющихся в материалах дела доказательств невозможно с достоверностью установить факт задолженности ответчика перед истцом по уплате страховой премии и размер страховой премии. Реестры застрахованных лиц представлены не страхователем, а страховщиком, при этом реестр застрахованных лиц

является основным документом, на основании которого определяется конкретный размер страховой премии.

Как следует из договора страхования, страховая премия уплачивается на основании счета, выставленного страховщиком. В материалах дела отсутствуют доказательства выставления счетов страхователю (ответчику). При изложенных обстоятельствах отсутствуют правовые основания для взыскания с ответчика заявленной суммы¹.

Как видим из анализа представленного случая, между сторонами возникли обязательственные правоотношения, основанные на договоре имущественного страхования, одним из условий которого явилось предоставление страхователем страховщику реестра застрахованных лиц за каждый отчетный месяц. Поскольку на основании предоставленного реестра страховщик должен был осуществлять проверку обоснованности величины общей страховой премии за отчетный месяц, постольку стороны предусмотрели серьезные требования к форме реестра – наличие подписей представителей страховщика и страхователя, печати юридических лиц.

Суд установил, что представленные истцом реестры не соответствовали установленной договором форме, так как не были подписаны со стороны страхователя, т. е. ответчика. Следовательно, страхователь вообще не имел возможности осуществить проверку обоснованности величины страховой премии, поскольку не обладал необходимой в данном случае информацией. Получается, что истец нарушил требования п. 3 ст. 307 ГК РФ, в рамках возникших между сторонами правоотношений вел себя недобросовестно, не предоставлял необходимую ответчику информацию, что послужило основанием для отказа в удовлетворении исковых требований истцу. Нельзя не согласиться с выводами суда апелляционной инстанции, руководствуясь вышеназванными аргументами.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, отметим следующее. Гражданский кодекс Российской Федерации – это поистине «экономическая конституция» Российской Федерации, требующая регулярного обновления с целью актуализации и адекватного соответствия изменяющимся общественным отношениям. Достижение указанной цели возможно только при условии соответст-

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13 окт. 2015 г. № 09АП-35355/2015 по делу № А40-48482/15 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вующего доктринального осмысления вводимых изменений законодательства. Только правильное понимание содержания принципа добросовестности и в особенности критериев добросовестного поведения позволит эффективно использовать посвященные данному принципу гражданско-правовые нормы и избежать противоречивой судебной практики.

Общепризнано, что негативной тенденцией применения принципа добросовестности является потенциальная опасность расширения сферы судейского усмотрения, что может привести к тому, что судебные решения станут непредсказуемыми. Полагаем, что введение в гражданское законодательство критериев добросовестности применительно к обязательственному праву способно снять указанную проблему.

Отметим, что предложенные критерии ранее были разработаны в доктрине на основе обобщения международной и национальной правоприменительной практики, что свидетельствует о развитии законодательства в правильном направлении и даст возможность судебной практике в процессе формирования опереться на науку гражданского права.

Критерии добросовестности участников обязательственного права и их корректное применение в практической плоскости, безусловно, будут способствовать установлению оптимального баланса интересов кредитора и должника, что является необходимой гарантией поддержания делового сотрудничества, предотвращения юридических конфликтов и достижения наиболее полного удовлетворения интересов участников имущественного оборота.

Принцип добросовестности нуждается и в дальнейшем поступательном внедрении в специальные нормы ГК РФ, поскольку является одной из существенных гарантий реализации субъективных гражданских прав.

Усиление солидаристского императива в сфере договорных отношений свидетельствует о дальнейшей социализации гражданского права России.

Библиографический список

1. *Архипова А. Г.* Доктрина *uberrima fides* в страховании и ее воплощение в российском праве // Вестник гражданского права. 2015. № 4. С. 7–35.
2. *Богачева Т. В.* Принципы взаимного содействия сторон и экономичности в договорных обязательствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982. 24 с.
3. *Богданов Д. Е.* Новеллы Гражданского кодекса РФ с позиции концепции добросовестной последовательности в действиях и за-

- явлениях // Законодательство и экономика. 2016. № 2. С. 44–49.
4. *Каранетов А. Г.* Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон. 2015. № 6. С. 43–56.
5. *Кузнецова О. А.* Прямое (непосредственное) действие принципов гражданского права // Нотариус. 2006. № 1. С. 37–40.
6. *Кулаков В. В.* О роли принципов гражданского права в правовом регулировании общественных отношений // Научные воззрения профессора Г. Ф. Шершеневича в современных условиях конвергенции частного и публичного права (к 150-летию со дня рождения): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 1–2 марта 2013 г.) / под ред. Д. Х. Валеева, К. Рончки, З. Ф. Сафина, М. Ю. Чельшева. М.: Статут, 2014. С. 50–52.
7. *Кулаков В., Филиппова С.* Поиграем в перевозку // ЭЖ-Юрист. 2015. № 44. С. 13–20.
8. *Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности* / В. К. Андреев, Л. В. Андреева, К. М. Арсланов и др.; отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 340 с.
9. *Хохлов В. А.* Общие положения об обязательствах: учеб. пособие. М.: Статут, 2015. 288 с.
10. *Чумаков А. А.* Ведение переговоров по новым правилам: новеллы Закона № 42-ФЗ // Закон. 2015. № 6. С. 77–82.
11. *Herbots J.* Contract Law in Belgium. Deventer. Boston, 1995. 181 p.
12. *Marianne M. Jennings.* Business: Its Legal, Ethical and Global Environment. Cengage Learning, 2010. 684 p.
13. *Markesinis B. S., Lorenz W., Dannemann G.* The German Law of Obligations. Vol. 1. The Law of Contract and Restitutions: A Comparative Introduction. Oxford, 1997. 487 p.
14. *Marsh P. D. V.* Comparative Contract Law. England, France, Germany. Hampshire, 1996. 331 p.
15. *Pescatore G.* Die sogenannte alternative Obligation. Marb, 1880. 280 p.
16. *Petersen L. L., Orgaard N.* Danish Insolvency Law. Copenhagen, 1996. 94 p.
17. *Principles of European Contract Law. Part I and II.* / ed. by Ole Lando, Hugh Beale. The Hague, London, 2000. 83 p.
18. *Samuel G., Rinkes J.* The English law of obligations in comparative context. Nijmegen, 1991. 177 p.
19. *Towards a European Civil Code*; ed. by A. S. Hartkamp, M. W. Hesselink, E. H. Hon-

dius, C. E. du Perron, J. B. M. Vranken. L., 1994. 345 p.

20. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Boston, 1992. 246 p.

References

1. Arkhipova A. G. *Doktrina uberrima fides v strakhovanii i ee voploshchenie v rossiyskom prave* [The Doctrine Of Uberrima Fides in Insurance and Its Embodiment in the Russian Law]. *Vestnik grazhdanskogo prava – Civil Law Review*. 2015. Issue 4. Pp. 7–35. (In Russ.).
2. Bogacheva T. V. *Printsipy vzaimnogo sodeystviya storon i ekonomichnosti v dogovornykh obyazatel'stvakh: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [The Principles of Mutual Assistance of The Parties and Efficiency in the Contractual Obligations: Synopsis of Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1982. 24 p. (In Russ.).
3. Bogdanov D. E. *Novelly grazhdanskogo kodeksa RF s pozitsii kontseptsii dobrosovestnoy posledovatel'nosti v deystviyakh i zayavleniyakh* [Amendments to the Civil Code of the Russian Federation in Terms of the Concept of Conscientious Sequence in the Actions And Statements]. *Zakonodatel'stvo i ekonomika – Law And Economics*. 2016. Issue 2. Pp. 44–49. (In Russ.).
4. Karapetov A. G. *Zavereniya ob obstoyatel'stvakh i usloviya o vozmeshchenii poter' v novoy redaktsii GK RF* [Assurance of Circumstances and Provisions for Loss Recovery in the New Version of the Civil Code of the Russian Federation]. *Zakon – Zakon*. 2015. Issue 6. Pp. 43–56. (In Russ.).
5. Kuznetsova O. A. *Pryamoe (neposredstvennoe) deystvie printsipov grazhdanskogo prava* [Direct (Immediate) Application of Civil Law Principles]. *Notarius – Notary*. 2006. Issue 1. Pp. 37–40. (In Russ.).
6. Kulakov V. V. *O roli printsipov grazhdanskogo prava v pravovom regulirovanii obshchestvennykh otnosheniy* [About the Role of Civil Law Principles in Legal Regulation of Social Relations]. *Nauchnye vozzreniya professora G. F. Shershenevicha v sovremennykh usloviyakh konvergentsii chastnogo i publichnogo prava (k 150-letiyu so dnya rozhdeniya): sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Kazan', 1–2 marta 2013 g.) / pod red. D. Kh. Valeeva, K. Ronchki, Z. F. Safina, M. Yu. Chelysheva*. [Scientific Views of Professor G.F. Shershenevitch in the Current Context of Convergence of Private and Public Law (to the 150th birth anniversary): Proceedings of Intern. Science and Practice Conf. (Kazan, March 1–2, 2013); ed. by D. Kh. Valeev, K. Rocki, Z. F. Safin, M. Y. Chelysheva]. Moscow, 2014. Pp. 50–52. (In Russ.).
7. Kulakov V., Filippova S. *Poigraem v perevozku* [Let's Play a Transportation Game]. *EZh-Yurist – EJ-Lawyer*. 2015. Issue 44. Pp. 13–20. (In Russ.).
8. *Problemy realizatsii printsipov prava v predprinimatel'skoy deyatel'nosti / V. K. Andreev, L. V. Andreeva, K. M. Arslanov i dr.; otv. red. V. A. Vaypan, M. A. Egorova*. [V. K. Andreev, L.V. Andreeva, K. M. Arslanov et al. Problems of Implementation of the Law Principles in Entrepreneurial Activity; resp. eds.: V. A. Vipan, M. A. Egorova]. Moscow, 2016. 340 p. (In Russ.).
9. Khokhlov V. A. *Obshchie polozheniya ob obyazatel'stvakh: ucheb. posobie*. [General Provisions On Obligations: Textbook]. Moscow, 2015. 288 p. (In Russ.).
10. Chumakov A. A. *Vedenie peregovorov po novym pravilam: novelly Zakona № 42-FZ* [The Negotiation on New Rules: Amendments to Law № 42]. *Zakon – Zakon*. 2015. Issue 6. Pp. 77–82. (In Russ.).
11. Herbots J. *Contract Law in Belgium*. Deventer, Boston, 1995. 181 p. (In Eng.).
12. Marianne, M. *Jennings. Business: Its Legal, Ethical and Global Environment*. Cengage Learning, 2010. 684 p. (In Eng.).
13. Markesinis B.S., Lorenz W., Dannemann G. *The German Law of Obligations. Vol. 1. The Law of Contract and Restitutions: A Comparative Introduction*. Oxford, 1997. 487 p. (In Eng.).
14. Marsh P. D. V. *Comparative Contract Law. England, France, Germany*. Hampshire, 1996. 331 p. (In Eng.).
15. Pescatore G. *Die sogenante alternative Obligation*. Marb., 1880. 280 p. (In French).
16. Petersen L. L., Orgaard N. *Danish Insolvency Law*. Copenhagen, 1996. 94 p. (In Eng.).
17. *Principles of European Contract Law. Part I and II*; ed. by Ole Lando, Hugh Beale. The Hague, London, 2000. 83 p. (In Eng.).
18. Samuel G., Rinkes J. *The English law of obligations in comparative context*. Nijmegen, 1991. 177 p. (In Eng.).
19. *Towards a European Civil Code*; ed. by A. S. Hartkamp, M. W. Hesselink, E. H. Hondius, C. E. du Perron, J.B.M. Vranken. London, 1994. 345 p. (In Eng.).
20. Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Deventer, Boston, 1992. 246 p. (In Eng.).